

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197

УДК 821.161.1

ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКОГО» И «НЕИСТОРИЧЕСКОГО» В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА «АВИАТОР» Е. ВОДОЛАЗКИНА

М.В. Бочкина, М.М. Голубков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
*Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы,
1-й корпус гуманитарных факультетов*

В данной статье на материале романа Е. Водолазкина «Авиатор» рассматривается соотношение понятий «исторического» и «неисторического», формирующих авторскую художественную философию. Анализ трактовок исторического процесса в романе производится с опорой на теории М. Блока, А. Гуревича, Б. Успенского и филологические труды Е. Водолазкина, позволяющие точнее охарактеризовать авторскую интенцию. Размышлениям о времени и истории в «Авиаторе» отводится большое место, концепция формируется как с точки зрения главного героя Иннокентия, так и в полилоге записей коллективного дневника. В качестве основного источника данной концепции рассматривается комплекс научных взглядов Е. Водолазкина, последовательно изложенных в его работе «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV вв.)».

Ключевые слова: историзм, Водолазкин, время, средневековье, событие, спасение, авиатор, современный роман, древнерусская литература, вечность

Водолазкин Е. — писатель и филолог, историк древнерусской литературы, в своем литературном творчестве понятия «исторический» пытается избегать, называя «Лавр» романом «неисторическим», а «Авиатор» романом персонального сознания [9]. Однако оба романа так или иначе осмысливают конкретные эпохи, действие в них имеет четкую временную отнесенность, а события датируются. Понимание истории в средние века является предметом исследования и в филологическом труде Е. Водолазкина «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV вв.)». Очевидно, что феномен истории находится в фокусе интересов Е. Водолазкина как ученого, так и писателя. Работая над «Авиатором», Е. Водолазкин обращался к архивным материалам, чтобы как можно более точно описать атмосферу Соловецких лагерей. Возникает вопрос, почему автор актуализирует термин «неисторический», характеризуя данным понятием не только роман «Лавр», но и мышление своего героя Иннокентия («Авиатор»)? Означает ли это полный отказ от исторического времени, признание его фикцией, или же автор трактует исторический процесс в более сложном нетрадиционном ключе, допуская расширенное его понимание?

Роман «Авиатор» ознаменовал собой новый этап в творчестве писателя. После «Лавра» читательская аудитория ждала от автора новое самобытное творение, и в романе «Авиатор» отразились творческие поиски на всех уровнях поэтики — это и упрощение художественного языка, и жанровые и композиционные эксперименты, а также обновленный идейно-тематический комплекс, направленные на создание текста, существенно отличающегося от романа «Лавр». Авторское намерение создать роман «сознания» отразилось в первую очередь на выборе дневниковой формы повествования от первого лица. Субъективация повествования акцентирует точку зрения героя, делая его мышление основным объектом читательского восприятия. В тексте создается полюс героя-авиатора, «того, чей обзор достаточно широк». Подобную функцию выполняет и сюжет: восстановление нейронов головного мозга Иннокентия, «проснувшегося» после заморозки, активизирует работу памяти. Сознание героя проходит путь от полного беспомыслия до восстановления мельчайших подробностей и деталей его детства, которые герой записывает в свой дневник. Хаотичность возникновения воспоминаний в тексте объясняется врачом Гейгером как процесс биологический, однако автору это позволяет создать фрагментарную романную форму, где функцию скрепы выполняют ассоциативные ряды и комплекс мотивов при ослабленных сюжетных связях. Писательские поиски в области романа сознания выразились и в импрессионистской линии произведения: главный герой Иннокентий — художник, чье непосредственное восприятие мира определяется цветом, запахом, вкусом. Это и цветочный узор обоев над кроватью, влажная духота после дождя, люстра и ее паузы тени, ароматный дым кадила — красота мира Божьего.

Однако в контексте литературоведческой традиции «Авиатор» в узком смысле романом сознания не является, как, классический пример, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. В русле философских систем Э. Гуссерля и В. Дильтея художественная феноменология основывается на первичном непосредственном восприятии явлений, усиление впечатлительности отводит на задний план или полностью вытесняет интеллектуальную и рациональную области познания. В центре оказывается субъективное восприятие феноменов как единственной значимой реальности, в то время как объективная, не зависящая от взгляда человека действительность вытесняется из поля зрения философов и писателей. Так исторические и социальные явления и их природа не становятся объектом исследования в этой эстетической системе. Данная идея, на первый взгляд, находит отклик в словах Иннокентия. Эта мысль отражается в диалоге с Гейгером:

«— У всякого времени свои сложности. Их надо преодолевать.

— Или избегать.

Смотрит на меня внимательно. Произносит вполголоса:

— Вам-то не удалось...

Не удалось. Гейгер, по-моему, общественный человек. А я нет. Страна — не моя мера, и даже народ — не моя. Хотел сказать: человек — вот мера, но это звучит как *фраза...*» [2. С. 78].

Однако романом сознания по форме и идейному содержанию в традиционном смысле «Авиатор» назвать нельзя, поскольку в нем в большой мере содержится рассуждение и анализ; воспоминания и впечатления не априорны в феномено-

логическом смысле, они опосредованы опытом, а размышления подчас философичны. В большем объеме в романе содержатся суждения главного героя, а также Гейгера и Насти о предшествующей культуре (о чем свидетельствует множество реминисценций и интертекстуальное поле романа), о природе таких событий, как революция, репрессии, о разных эпохах, есть упоминания политических деятелей, а также полифония точек зрения об историческом процессе как таковом. Взаимовлияния частного и исторического понимаются гораздо глубже и сложнее простого превалирования первого над вторым и утверждения права независимости человеческой личности от внешних условий.

Герои романов Е. Водолазкина находятся в более глубоких и сложных связях со временем, чем это кажется на первый взгляд. Иннокентий, очнувшийся после заморозки, ощущает свою чужеродность по отношению к современности, ее неприятие и отторжение от нее, он подобно Робинзону «среди моря чужой жизни» [2. С. 290]. Герою присуще и особое чувство ответственности за прожитые эпохи, которое побуждает его к творчеству: «Думая сейчас о моей разморозке, я — ввиду количества ушедших лет — спрашиваю себя: не стала ли она воскрешением целого поколения? Ведь любая деталь, которую я сейчас припоминаю, автоматически становится деталью эпохи. А может быть дело не в детали, а целом? Может, как раз для этого я воскрешен, чтобы мы еще раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил?» [2. С. 279]. Так, любая импрессионистичная деталь, всплывшая в памяти в Иннокентия, перерастает в деталь эпохи, реализуя движение от частного к всеобщему. Подобные связи человека со временем писатель прокомментировал в своем интервью таким образом: «Человек ведь, по определению моего учителя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, «заперт во времени». То есть, окажись он в другом историческом периоде, он вряд ли сможет правильно понять, что происходит вокруг, потому что каждой эпохе присущ свой тип мышления» [5]. Идея подобного взаимовлияния не мыслима для человека в феноменологической концепции, будь то герой романов Пруста или личность в философии Гуссерля. Эта мысль скорее приближается к идее, выраженной, помимо прочих, философом К. Ясперсом, об исторической природе человека и невозможности выйти за пределы истории [11]. В данном контексте своеобразно высвечиваются историософские взгляды автора «Авиатора». В интервью Е. Водолазкин говорит о своем интересе к истории таким образом: «У меня была беседа с Умберто Эко незадолго до его смерти, и моя итальянская издательница сказала, что я очень интересуюсь историей. Я тут же ее поправил — она волнует меня только как фон для персонального развития. В «Лавре» у меня сначала возник определенный тип человека, а потом надо было его поместить в тот исторический контекст, где его черты раскрылись бы максимально... В общем, историю я считаю чем-то вроде аквариума для рыб. Главное ведь — рыбы» [6]. Сравним данное высказывание с мыслью героя «Авиатора» Иннокентия: «Так, говорю, в горной породе остаются ракушки — миллиарды ракушек, живших на океанском дне. Мы понимаем, как они выглядели, но не представляем их естественной, вне горной породы, жизни — в воде, среди зыбких водорослей, подсвеченных доисторическим солнцем» [2. С. 196]. В обоих фрагментах речь идет о категории ментальности, характеризующей тип сознания человека, жившего в

определенную эпоху. Объектом исследования являются как мировоззренческие установки, так и повседневная бытовая жизнь, изучение которых позволяет исследователю приблизиться к картине мира человека определенной эпохи. Данный подход выражен в работах исторической школы «Анналов», в которую входил М. Блок. Исследовательский метод, описанный в его работе «Апология истории, или Ремесло историка», находит точки соприкосновения с творческими интуициями Е. Водолазкина: «Напротив, конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты» [1. С. 18]. В данном сопоставлении высвечивается и интерес Е. Водолазкина к повседневной бытовой жизни человека, к языку, составляющим картину мира «человека во времени». Подобные размышления встречаются в дневниковых записях героя «Авиатора» Иннокентия, называющего себя художником и жизнеописателем, в которых выражаются и собственно авторские эстетические установки (точки зрения автора и героя сближаются): «Интересует меня самая мелкая повседневность, то, что современникам кажется само собой разумеющимся и не достойным внимания. Это сопровождает все события, а потом исчезает никем не описанное — как будто все происходило в вакууме» [2. С. 196]. Перестановка акцентов с масштабных исторических событий к деталям ежедневной жизни конкретного человека отражает расширенную трактовку исторического процесса Е. Водолазкинским, выраженную словами Иннокентия, в которой «нет событий основных и неосновных, и все важно, и все в дело идет» [2. С. 410].

Исследование ментальности и изображение типа сознания человека средневековья стало одним из важнейших открытий романа «Лавр». Именно в данной картине мира органично выразился комплекс творческих идей Е. Водолазкина, которые из научных наблюдений филолога выросли в художественную эстетическую систему. Для нее характерны такие концепты, как «грех», «любовь», «покаяние», «истина», имеющие морально-религиозную окраску и отсылающие к интенциям автора, исследователя древнерусских текстов, к тому же не раз заявлявшего о собственных религиозных воззрениях. В «Лавре» выразились также трактовки феномена времени, характерные для средневекового человека. Подобный комплекс идей и мотивов унаследовал и «Авиатор», генетическое родство двух романов выявляется на глубинном содержательном уровне. Концептосфера «Авиатора» включает в себя схожие элементы, а широкое интертекстуальное поле содержит отсылки к евангельским сюжетам. Элементы средневекового мировоззрения автор вводит в контекст романа «Авиатор», при этом в центре повествования находится человек иного типа сознания, однако категории древнерусской культуры в данной системе являются вневременными и универсальными.

Как замечает Е. Водолазкин, мышление древнерусских летописцев «неисторично». Оппозиция исторического и неисторического, очевидно, возникает в сопоставлении категорий средневековья с традиционной трактовкой исторического процесса. В семиотической и культурологической научной практике интерпретацию понятия истории подробно изложил Б. Успенский. История, как пишет исследователь, предполагает семиотизацию действительности, «превращение не знака в знак, не-истории в историю» [10. С. 11]. Для такого рода семи-

озиса необходимо два условия: расположение событий во временной последовательности (фактор времени) и установление между ними причинно-следственных отношений (фактор причинности). Нарушение обоих условий Е. Водолазкин находит в древнерусских текстах, а затем привносит в собственную художественную практику.

Исследуя древнерусский хронограф, Е. Водолазкин отмечает: «Для средневекового историографа, игнорировавшего причинно-следственную связь событий, не существовало существенной разницы между событиями “историческими” и “неисторическими”» [3. С. 73]. Так, в хронограф помимо общественно значимых явлений включаются случаи из жизни, притчи, нравоучительные истории — фрагменты неоднородные и не имеющие прослеживаемой связи друг с другом. Это способствовало как дехронологизации, так и нарушению фактора причинности. Подобный принцип дублируется в композиции романа «Авиатор» — фрагментарность и отсутствие последовательного линейного развертывания событий реализуется посредством произвольных воспоминаний Иннокентия. Разнородна и тематика воспоминаний героя — от размышлений об истории и искусстве до повествования о жизни заключенных лагерей. Подобную идею формулирует в своем дневнике и сам Иннокентий: «Я ведь художник — художник, а не историк. Мне не важна последовательность событий, меня волнует единственно факт их существования. Пункты плана записываю без всякой логики, по мере припоминания» [2. С. 199]. В данном высказывании прослеживается также рефлексия самого Е. Водолазкина о собственном романе. В основе типа мышления средневекового человека также особая трактовка события. Водолазкин Е. отмечает, что для средневекового историографа событие — это не только явление социальной и духовной жизни; упоминания достойно всякое событие, имеющее нравственное содержание, независимо от общественного резонанса. Это, по мысли ученого, придает хронографу притчеобразный характер, а сама история воспринимается как одна большая притча. В «Авиаторе» встречаются две взаимосвязанные трактовки. Иннокентий рассуждает о природе события, приходя к выводу, что беседа на кухне отнюдь не менее важна, чем битва при Ватерлоо. Здесь автор не ограничивается субъективным восприятием действительности, в частном повседневном явлении он стремится разглядеть фундаментальную общечеловеческую основу: <...> фундаментальные события (то же питье чая на веранде) способны определять совершенно разные времена <...>» [2. С. 365]. К данной трактовке приближается и другая, близкая ей, интерпретация события, а именно морально-нравственная, наиболее близкая древнерусскому историографу. При таком понимании история Иннокентия развертывается не просто как частная, а как персональная история спасения. В одном из первых воспоминаний Иннокентия всплывает урок в гимназии, на котором обсуждается Робинзон Крузо. На сюжет о «легкомысленном молодом человеке», который оказывается на необитаемом острове без людей, накладывается и линия судьбы Иннокентия — это одна из самых часто повторяющихся в романе реминисценций. «Если бы он с самого начала вел себя благо разумно... Я не знаю, как это выразить, чтобы не впасть в менторский тон. Такая как бы притча о блудном сыне» [2. С. 16] — в словах старосты класса в свернутом виде содержится характеристика и самой истории Иннокентия, в основе которой

лежит евангельская притча. Линия искупления греха прослеживается в сравнении Иннокентия с Робинзоном, который за грехи был лишен своего родного пространства, а Иннокентий родного времени. Воскрешение Иннокентия сравнивается с воскрешением Лазаря, где перемена божественного решения связана с идеей искупления нераскаянного греха, что возможно только при жизни. В одном из интервью Е. Водолазкин сравнил «Авиатор» с «Преступлением и наказанием»: «В “Авиаторе” важна нравственная линия, условно я бы назвал это линией Раскольникова. Смотрите, я не хотел душить читателя явными нравственными конструкциями. У меня эти события не на авансцене, их я изображаю пастельными тонами» [8]. В данном контексте значима символическая деталь — статуэтка Фемиды, с отломанными весами, обозначающими нарушение справедливости, оказавшаяся для Иннокентия орудием убийства Зарецкого. «Отламывая от нее весы, я еще не знал, какого рода инструмент себе готовлю» [2. С. 410] — вспоминает Иннокентий. Моральный взгляд лежит в основе концепции революции и всех общественных переворотов, корни которых во внутреннем зле человечества, а не в общественных предпосылках. Автор отказывается от причинно-следственных связей в истории и заменяет их связями внутренними, личностными: «А ведь я и вправду мыслю неисторически — тут Гейгер, наверное, прав. Исторический взгляд делает всех заложниками великих общественных событий. Я же вижу дело иначе: ровно наоборот. Великие события растут в каждой отдельной личности» [2. С. 93]. В подобном ключе трактуется вопрос вины. Зло, как и добро, коренится в каждом человеке, что выразилось в речи Иннокентия, описанной Гейгером: «А потом сказал, что бессмысленно винить в своих бедах государство. И историю — бессмысленно. Винить можно только себя» [2. С. 253]. Перестановка акцентов с исторического процесса на индивидуальную судьбу, где зло видится как следствие греховности, выражается также в словах Иннокентия «наказания неизвестно за что не бывает» [2. С. 253], а «невиновным может объявить только Господь Бог» [2. С. 278] — еще одна отсылка к романам Ф. Достоевского. В своем филологическом исследовании Е. Водолазкин отмечает, что в средние века персональная работа каждого над спасением была главным обоснованием истории при отсутствии общих целей. В связи с этим автор отказывается и от коллективных движений, которые, с его точки зрения, способны привести к гибели и бессильны в спасении определенной души.

Как отмечает Е. Водолазкин, в древнерусской историографии связи между событиями оказываются незначимы также и потому, что акцентируется их связь с вечностью: «Такого рода взгляд на события делал разделение на «историческое» и «неисторическое» более чем второстепенным. Столь же несущественным, с точки зрения средневекового историографа, было выявить отношения между событиями: связь земного и небесного в рамках каждого отдельного события была гораздо важнее связи событий друг с другом» [3. С. 113]. Так, Иннокентий ведет дневник с целью сохранить каждое воспоминание в вечности. Венчание Иннокентия и Насти также переводит их отношения из рамок времени в вечное измерение. Параллелизм земного и небесного прослеживается в воспоминании о Пасхе под открытым небом, когда заключенные лагеря поверили в грядущее освобождение: «Они ясно видели его в ночном сиянии неба» [2. С. 129]. Для Инно-

кентия событие — это элемент времени, а в вечности присутствуют уже «несобытия», некие универсальные сущности: «Рай — это отсутствие времени. Если время остановится, событий больше не будет. Останутся несобытия. Сосны вот останутся, снизу — коричневые, корявые, сверху — гладкие и янтарные» [2. С. 164]. Гейгер также трактует событие шире, замечая, что история Иннокентия состоит не из событий, а из явлений, уточняя: «Или так: ее событием является все, что ни происходит на белом свете» [2. С. 237]. Значимая для истории хронологическая последовательность, оказывается несущественна для вечности, что отмечает Е. Водолазкин: «Время противопоставлено вечности. События в нем для простоты восприятия выстроены в определенном порядке. Мы его называем хронологическим. События же, я думаю, никуда не исчезают с переходом человека в вечность — они просто теряют хронологическую привязку: висят в вечности, как игрушки на рождественской елке, и время им уже не нужно. Не боясь тавтологии, скажу, что время — это временно» [7]. Как отмечает А. Гуревич, человек привык думать о вечности во временных категориях, а в ней отсутствует последовательность [4].

В «Авиаторе» Е. Водолазкина воплотился синтетизм творческих и мировоззренческих концепций — разработка линии творца (художника и писателя), находящегося в центре повествования, тесно переплетается с научными и философскими взглядами автора. Импрессионистичная впечатлительность главного героя накладывается на понятийную структуру картины мира средневекового человека, в основе своей религиозную. Основными реминисценциями образа главного героя являются Лазарь, Робинзон Крузо, блудный сын. Нахождение «во чреве» баржи «Клары Цеткин» можно трактовать как отсылку к пророку Ионе. Среди библейских, литературных персонажей и исторических лиц особое место занимает образ художника Микеланджело, в связи с которым развивается концепция человека-творца, ценящего «мир во всех его проявлениях». Данный взгляд находит своего оппонента в лице Гейгера («Он-де знает одного вселенского злодея, который в юности был художником» [2. С. 204]). В романе ставится вопрос о соотношении эстетического и нравственного, и разные мировоззренческие системы накладываются друг на друга, вступают в сложное взаимодействие.

При этом человек в данной художественной системе находится в сложных отношениях со временем — в конкретную эпоху формируется определенный тип сознания. Истоки морально-религиозной концепции автор видит в картине мира средневекового человека. В данной системе зарождается и особая трактовка исторического процесса. Для нее в первую очередь характерно размытие границ между фактом историческим и «неисторическим», расширенное понимание истории, ослабление связей между событиями и игнорирование их логической последовательности, что противоречит традиционному пониманию феномена истории, сформировавшемуся в Новое время. Данный взгляд на историю связан с совершенно особым пониманием связи человеческого и божественного, что определенным образом преломляется в романе «Авиатор». В основе концепции истории лежит личная история спасения, а фундаментальным событием становится событие частной жизни, не имеющее широкого общественного резонанса, при

этом обладающие вневременным статусом, а также события, имеющие нравственное содержание. Данная концепция, построенная на пересечении эстетических и философских воззрений, выражается в рассуждениях главного героя романа, а также в полилоге с другими героями, и содержит рефлексию автора о собственном романе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 15—19.
- [2] Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
- [3] Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинового повествования XI—XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Пушкинский дом, 2008. 488 с.
- [4] Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- [5] Евгений Водолазкин [Электронный ресурс]. URL: http://evgenyvodolazkin.ru/1075_evgenij-vodolazkin-segodnya-obshhestvo-hochet-chitat-sereznuyu-literaturu/ (дата обращения: 10.02.2018).
- [6] Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26729.7/3755887/> (дата обращения: 10.02.2018).
- [7] Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/158683/evgenii-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (дата обращения: 10.02.2018).
- [8] РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/interview/20160913/1476775027.html> (дата обращения: 10.02.2018).
- [9] Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/29/vodolazkin-ia-rytiai-us-v-aviatore-sdelat-chitatelia-soavtorom.html> (дата обращения: 10.02.2018).
- [10] Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. 432 с.
- [11] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политическая литература, 1991. 530 с.

© Голубков М.М., Бочкина М.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 февраля 2018

Дата принятия к печати: 1 марта 2018

Для цитирования:

Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолозкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188—197. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197

Сведения об авторах:

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Контактная информация: e-mail: m.golubkov@list.ru

Бочкина Мария Васильевна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Контактная информация: e-mail: marystradivari@mail.ru

THE CONCEPTS OF HISTORICAL AND NON-HISTORICAL IN AESTHETIC AND PHILOSOPHICAL SYSTEM OF THE NOVEL “THE AVIATOR” BY E. VODOLAZKIN

M.V. Bochkina, M.M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article reviews correlation between the concepts of historical and non-historical which form the author's artistic philosophy in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". The interpretation of historical process in the novel is analyzed in the context of theories by M. Blok, A. Gurevich, B. Uspensky as well as philological works by E. Vodolazkin which help to characterize the author's intent with better precision. The reflections about time and history occupy an important part in *The Aviator*, the concept is being formed both from the viewpoint of the main character Innokenty as well as in the polylog of the collective diary writings. The main source of the concept is the whole complex of E. Vodolazkin's scientific views consistently stated in his work *World History in the Literature of Ancient Rus* (based on the material of chronographic and the Palaea narrative of the XI—XV centuries).

Key words: historicism, Vodolazkin, time, the Middle Ages, event, salvation, aviator, modern novel, Old Russian literature, eternity

REFERENCES

- [1] Blok M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology in history. Or historical craft]. M.: Nauka, 1986. S. 15—19.
- [2] Vodolazkin E.G. *Aviator* [The Aviator]. M.: AST;Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2016. 410 p.
- [3] Vodolazkin E.G. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI—XV vv.)* [World History in the Literature of Ancient Rus (based on the material of chronographic and the Palaea narrative of the XI—XV centuries)]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Pushkinskii dom, 2008. 488 p.
- [4] Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Iskusstvo, 1984. 350 p.
- [5] Evgenii Vodolazkin. Available at: http://evgenyvodolazkin.ru/1075_evgenij-vodolazkin-segodnya-obshhestvo-xochet-chitat-sereznyu-literaturu/ (accessed: 10 February 2018).
- [6] Komsomol'skaya pravda. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26729.7/3755887/> (accessed: 10 February 2018).
- [7] Kul'tura.RF. Available at: <https://www.culture.ru/materials/158683/evgenii-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (accessed: 10 February 2018).
- [8] RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/interview/20160913/1476775027.html> (accessed: 10 February 2018).
- [9] Rossiiskaya gazeta. Available at: <https://rg.ru/2016/09/29/vodolazkin-ia-pytaius-v-aviatore-sdelat-chitatelia-soavtorom.html> (accessed: 10 February 2018).
- [10] Uspenskii B.A. *Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Semiotics of history. Semiotics of culture]. M.: Gnozis, 1994. 432 p.
- [11] Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. M.: Politicheskaya literatura, 1991. 530 p.

Article history:

Received: 15 February 2018

Revised: 20 February 2018

Accepted: 1 March 2018

For citation:

Bochkina M.V., Golubkov M.M. (2018) The concepts of historical and non-historical in aesthetic and philosophical system of the novel “The aviator” by E. Vodolazkin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (2), 188–197. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197

Bio Note:

Golubkov Mikhail Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, head of the Department of Russian Literature of the XX century and contemporary literary process, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University. *Contacts*: e-mail: m.golubkov@list.ru

Bochkina Mariia Vasilevna, PhD student, Department of Russian Literature of the XX century and contemporary literary process, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University. *Contacts*: e-mail: marystradivari@mail.ru